

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ОТДЕЛ ЦК ВКП (б) ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ
ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ВКП (б)

(ИСТПАРТ)

БИОГРАФИИ, АВТОБИОГРАФИИ И МЕМОАРЫ

- Антонов-Саратовский, В. П.** Под стягом пролетарской борьбы. Отрывки из воспоминаний о работе в Саратове за время с 1915 по 1918 г. Том I. Стр. 310. Ц. 2 р.
- Антонов-Саратовский, В. П.** Красный год. Из серии „Под стягом пролетарской борьбы“. Часть первая. Отрывки по памяти и документам о событиях 1905 года в Саратове и Саратовской губернии. Стр. 211. Ц. 1 р. 70 к.
- Ганецкий, Я. В.** В. Воровский. Биографический очерк. Стр. 102. Ц. 60 к.
- Яков Михайлович Свердлов.** Сборник статей и воспоминаний. Стр. 202. Ц. 2 р.
- Памяти Инессы Арманд.** Сборник под ред. Н. Крупской. Стр. 109. Ц. 30 к.
- Федосеев, И. Е.** Один из пионеров революционного марксизма в России. Сборник воспоминаний. Стр. 184. Ц. 40 к.
- Борец за освобождение работницы К. Н. Самойлова.** Сборник. 2-е изд. Стр. 89. Ц. 40 к.
- Рябинин, А.** Материалы для биографии Р. М. Семечикова (1877 — 1911). С приложением статьи Д. Бутиня. (Из истории рабочего движения в Иваново-Вознесенске.) Стр. 71. Ц. 20 к.
- Александрова, Н. Артем.** Стр. 174. Ц. 50 к.
- Фурманов, Д. Чапаев.** С предисловием А. Луначарского. Стр. 216. Ц. 1 р. 25 к.
- Бобровская, Ц.** Записки рядового подпольщика. Часть II. (1905 — 1914 г. г.) Стр. 88. Ц. 35 к.
- Лепешинский, П. Н.** На повороте. Воспоминания. От конца восьмидесятых годов к 1905 году. Попутные впечатления участников революционной борьбы. Стр. 237. Ц. 75 к.
- Шаповалов, А. И.** По дороге к марксизму. Воспоминания рабочего революционера. Части I и II. 2-е издание. Стр. VIII + 165. Ц. 1 р. 25 к.
- Самойлов, Ф. Н.** Воспоминания об Иваново-Вознесенском рабочем движении. Часть I. (1903 — 1905 г. г.) 2-е издание. Стр. 90. Ц. 60 к.
Часть II. (1906 — 1911 г. г.) Стр. 124. Ц. 1 р.
Часть III. (1911 — 1914 г. г.) Стр. 112. Ц. 80 к.
Часть IV. Процесс большевистской фракции IV Государственной Думы. Стр. 163. Ц. 1 р. 40 к.
- Деготь, В.** В свободном подполье. (Воспоминания о подпольной работе за границей в 1919 — 1924 г. г.) Стр. 7. Ц. 25 к.
- Новиков, В.** Воспоминания подпольщика (1900 — 1913 г. г.) Стр. 83. Ц. 60 к.
- Бош, Е.** Год борьбы (1917 — 1918 г. г.) на Украине. Стр. 270. Ц. 1 р. 80 к.
- Парфенов, П.** (П. Алтайский). Гражданская война в Сибири. 1917 — 1918 г. г. Изл. 2-е, исправл. и доп. Стр. 168. Ц. 1 р.
- Яковенко, В. Г.** Записки партизана. Стр. 107 + 1 карта. Ц. 1 р.
- Медведева, С.** Герой революции „товарищ Камо“. Стр. 63. Ц. 20 к.
- Моисеенко, П. А.** Воспоминания 1873 — 1923 г. г. Стр. 214. Ц. 1 р.
- Раскольников, Ф.** Кронштадт и Питер в 1917 году. Стр. 280. Ц. 2 р.

4 $\frac{486}{209}$ dw
О. А. ЕРМАНСКИЙ

ИЗ ПЕРЕЖИТОГО

(1887 — 1921 гг.)

С ПРЕДИСЛОВИЕМ
П. ЛЕПЕШИНСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ 1927 ☆ ЛЕНИНГРАД

пределов которой я выслан. Ничто не помогало. Я, наконец, задал вопрос:

Где же мне жить,—уж не между небом ли и землею?

На это получился величественно-спокойный ответ обер-полицеймейстера:

Хотя бы между небом и землею.

На самом деле причиной моей высылки был предстоявший тогда приезд Александра III в Тифлис. Очевидно, все-российский самодержец считал, что либо он может быть в Тифлисе, либо я, но никак не оба вместе. Пришлось мне уступить. С проходным свидетельством я направился в ту самую Одессу, откуда я был отправлен в ссылку. Одесский генерал-губернатор (барон Роп), которому я указал на создавшееся для меня положение «хуже губернаторского», «великодушно» разрешил мне поселиться в родном городке Аккермане, который тоже находился под усиленной охраной.

II. ПОЛИТИЧЕСКОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И ГРУППА «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»

(1888 — 1895 гг.)

Здесь я прожил под надзором полиции с осени 1888 года до весны 1891 года, живя «уроками». К этому времени уже определенно пробудились во мне общественно-политические интересы. К тому же близость Одессы (50 верст) давала возможность иногда съездить туда нелегально. Там имелись хорошие книжные магазины и библиотеки (даже с иностранными книгами). Там же я соприкасался еще с последними остатками народофильства и с первыми сторонниками марксизма (вроде Д. Гольдендаха-Рязанова). Там же добывал я легальную и нелегальную литературу—русскую и иностранную.

В самом Аккермане я жил в тесном кругу, в который входили, кроме моих сестер и вышедшего из «Крестов» с туберкулезом С. К. Розенблита, В. Л. Шанцер (впоследствии «Марат»), а также братья И. и Г. Франчески.

Был в то время в Аккермане еще и Приютов, образ которого мне не очень отчетливо теперь вспоминается и представляется окруженным некоторым ореолом таинственности. Отец Приютова был портной, имевший собственную мастерскую—просторную, чистую. Я бывал раза два у Приютовых и знал только то, что сын—революционер народофильского толка и, повидимому, большой конспиратор. Скоро он исчез из Аккермана и больше не показывался в поле моего зрения. Кажется, однако, что Приютов сыграл некоторую роль в революционном движении.

С Приютовым был связан его приятель Харлампий Чернявский—тоже аккерманец и еще более пролетарского происхождения, чем Приютов. Совсем неспособный к конспирации, вечно живой, в беседе потягивающий своими

длинными черными кудрями, Харламбий несколько чаще встречался с нами. Но он с революционной точки зрения представлял меньше интереса: по крайней мере, очень скоро он увлекся открывшимся у него талантом художника и, переехав в Одессу, совсем отошел от революционных интересов.

Из всей аккерманской компании в наиболее тесном идейном контакте я находился с В. Л. Шанцером, или «Виржилем», как мы его звали. Он был моим другом детства. Его родители жили также в Аккермане. Отец его был австрийско-немецкий поляк, говоривший одинаково плохо на разных языках. Мать была швейцарка-француженка из семьи Тардан (из швейцарской колонии Шабо, находящейся в 7 верстах от Аккермана). А Виржилль вырос настоящим русским нигилистом— правда, с польско-французским горячим темпераментом. Отец его имел маленький водочный заводик и держал оптовый погреб вин. Поступив на год раньше меня в гимназию, Виржилль в одном из ее классов задержался, и мы окончили гимназию в одно время: я в Елисаветграде, Виржилль— в Николаеве, где учителем французского языка в гимназии был его дядя Тардан, у которого он и жил.

В том же 1887 году мы оба были арестованы: он в Николаеве на второй день по окончании гимназии, а я— в Одессе, уже будучи студентом первого курса. А в 1888 году мы оба очутились в родном Аккермане: он после 2—3 месяцев сидки в тюрьме, я— после «неудачной» кавказской ссылки. Впрочем, и в Аккермане мы оба были под гласным полицейским надзором, при чем Виржилль ждал приговора по своему николаевскому делу. Скоро приговор и получился: два месяца тюремного заключения.

Очень оригинально было это заключение. Помню, как отец Виржиля, усевшись с ним на извозчика и захватив боченок вина для начальства, отправился в тюрьму. Все устроилось по провинциальному: камерой Виржиля служила канцелярия тюрьмы, где днем он помогал в писании бумажек, а затем оставался там же почевать на диване.

Вечерами мы иногда компанией приходили к Виржилю в гости: он с нами выходил на улицу, и мы, усевшись на скамье перед воротами тюрьмы, вместе читали «Наши раз-

ногласия» и подобную нелегальную литературу. Место было самое удобное с точки зрения полицейской безопасности. В конце визита Виржилль провожал нас по улице квартала два и потом возвращался в свою «камеру». А когда подошел крупный праздник (Пасха), Виржилль отправился вечером в гости к родителям, взяв с собою ключ от тюремных ворот у сторожа, чтобы не тревожить его, когда поздно вернется в тюрьму.

Скоро, когда Шанцер был уже на свободе, мы с ним вместе встречали новый год за бокалом отцовского доброго вина, в дружеской беседе, центр тяжести которой был особенный: наступление 1889 года. Наши взгляды и представления были тогда еще так наивны, что мы оба всерьез придавали какое-то провиденциальное значение этому году столетнего юбилея Великой французской революции. Мы не в шутку склонны были верить, что этот год без крупных событий не пройдет, и в этом смысле высказывали наши новогодние пожелания.

Впрочем, именно в эту пору я начал быстро освобождаться от социально-политической наивности и незрелости. Хотя несколько поздно пробудились мои общественно-политические интересы— а быть может именно поэтому,— но потянуло меня непосредственно к Марксу. В одесском магазине иностранных книг я купил первый том «Капитала» в немецком оригинале. Трудно передать, как захватило меня сразу чтение этой книги. Я буквально не мог от нее оторваться. Читал я ее и днем и ночью. Чтобы одолеть потребность в сне, я начал пить крепчайший чай. Через 4—5 дней я сильно подвинулся вперед, но боль в груди заставила обратиться к врачу, который строжайше запретил дальнейшее потребление такого крепкого чая. Я все-таки за 7—8 дней справился с «Капиталом», прочтя его весьма основательно.

И действие его было совершенно исключительным. Я вспоминал сильное впечатление, произведенное на меня когда-то «Историей цивилизации в Англии» Бокля, прочитанной мною еще в последнем классе гимназии. Тогда меня поразила впервые представшая передо мною идея полной закономерности явлений общественной жизни. Но то впечатление от боклевского механического материализма

не могло идти ни в какое сравнение с тем коренным *переворотом*, который произвело в моих представлениях чтение марксовского «Капитала».

Передо мною открылся совершенно новый мир—точно я вновь родился, или я был до сих пор слепым, а теперь неожиданно прозрел. Я определенно видел и чувствовал, что в прочтенной мною толстой и в то же время скупой на слова книге я получил не только глубокую политико-экономическую теорию, но целое *мировоззрение*, притом такое, стройность которого не успокаивает, а будит работу мысли и воли своей могучей жизненной динамикой.

Чтобы вполне насладиться этим живым источником, я тотчас же достал только что тогда вышедшее *французское* издание «Капитала», авторизованное самим Марксом. После немецкого оригинала уже легко было быстро проглотить это почти художественное французское изложение труда Маркса.

Был доволен «Капиталом» не только я, но и мой старший брат, действовавший по торговой части. Увидев в моих руках том «Капитала», он громко выразил свое одобрение тому, что я «взялся за ум», изучая способы, коими можно нажить капитал...

Фундамент моего умственного развития был заложен, и было на чем дальше строить. Я стал знакомиться с произведениями Смита, Рикардо, Зибера, Плеханова и др. Постепенно все прочнее складывалось и оформлялось у меня марксистское мировоззрение. Я стал переводить и печатать на гектографе неизданные еще на русском языке произведения Маркса («Восемнадцатое Брюмера» и др.). Появилась потребность более основательного изучения литературы по теории и истории социализма. Поэтому весной 1891 года, добыв заграничный паспорт, я поехал в Швейцарию, где поселился в Цюрихе.

Тут я быстро познакомился с Плехановым, Аксельродом, Засулич, Розой Люксембург, Грозовским (он же Тышко-Иогихес) и др.

Между прочим, все они не были в близком товарищеском контакте между собой. Наоборот, Плеханов вел энергичную борьбу против Р. Люксембург и Грозовского. И мне, еще не оперившемуся юноше, даже еще не официальному с.-д.,

привелось чуть не в первое же время моего пребывания в Цюрихе (1892 г.) участвовать в «суде» над Грозовским по обвинению его Плехановым (через молодого тогда Х. Раковского) в оскорблении действием польского социалиста Вениарского. И теперь еще я не могу без тяжелого чувства «прелестей» тогдашней эмигрантской атмосферы вспомнить об этом эпизоде из отдаленного прошлого ¹⁾.

Но, вращаясь в кругу членов группы «Освобождение Труда» и примыкая в общем к их течению, я все еще не считал себя окончательно оформившимся с.-д. Поэтому упорно отказывался вступить формально в социал-демократическую группу Цюриха, несмотря на уговоры со стороны примыкавших к группе «Освобождение Труда» Я. Кальмансона, Л. Аксельрод-Ортодокс, Шмулевича и др. В то же время я прорабатывал обширный книжный материал, имевшийся в цюрихской социалистической библиотеке и в других местах, и ориентировался в рабочем движении западных стран. Этому, помимо книг и газет, способствовало также постоянное посещение мною немецкого рабочего клуба «Eintracht».

Он сыграл большую роль в моем марксистском воспитании; это был настоящий университет для ищущей социалистического самоопределения революционной молодежи. Можно прямо утверждать, что чуть не все вопросы теории и практики социалистического движения были предметом докладов и живых прений в этом замечательном клубе, членами которого были исключительно германские (не-швейцарские) рабочие. Среди них было немало людей с большим практическим стажем, проделанным за 12-летний период действия антисоциалистического закона (1878—1890 гг.) в Германии. Этот закон, как известно, выгонял в Швейцарию многих боевых с.-д., которые отчасти и застряли там после падения этого закона.

¹⁾ Считаю нужным отметить попутно еще одно обстоятельство: как видно теперь из дел департамента полиции за 1895 г., знаменитый Рачковский доносил обо мне из-за границы, что я в близких сношениях с...—идет перечисление всех упомянутых выше лиц, со включением Бейтнера. Но я никакого Бейтнера не знал. С другой стороны, теперь я в газетах встретил упоминание о старом провокаторе Бейтнере. Кто же был Бейтнер и под какой фамилией он жил тогда в Цюрихе?

В «Eintracht'e» довольно часто выступали приезжавшие из Германии А. Бебель, В. Либкнехт, К. Каутский, Э. Бернштейн и другие вожди германской социал-демократии, и я имел возможность их много раз слышать и лично беседовать с ними.

В ту пору германская социал-демократия переживала острую борьбу с новым течением внутри партии, появившимся под названием «молодых» или «независимых социалистов». Течение это, возникшее вместе с отменой закона против социалистов в Германии, было более или менее окрашено в цвет анархизма. В «Eintracht'e» течение независимых имело ярких сторонников и противников. На поддержку этих последних и приезжали Бебель и другие. В «Eintracht'e» была также и хорошая читальня. Я пользовался и ею, и русской читальней и библиотекой, и интернациональной читальней при политехникуме.

В то же время я посещал лекции по истории социалистических учений, которые тогда читал в политехникуме профессор Пляттер, дававший слушателям ценный фактический материал. А в цюрихском университете был тогда приват-доцентом германский марксист Конрад Шмидт. Он устроил семинарий по специальному вопросу, занимавшему тогда умы в марксистских кругах,—вопросу о норме прибыли с точки зрения экономической теории Маркса. Я принимал активное участие в этом семинарии.

Цюрих был в известной мере *интернациональной* ретортой, где вырабатывались и кристаллизовались разные течения и струи международной социально-политической жизни. В частности мне приходилось часто соприкасаться с разными течениями в *польском* социализме. Польская колония в Цюрихе была довольно многочисленна. Больше всего сторонников здесь имела ППС. Нынешние лидеры этой партии—Морачевский, Перль и др.—были тогда студентами, с которыми я встречался нередко. На «Gazetta Robotnicza», издававшейся в Берлине, но регулярно получавшейся в Цюрихе, я скоро научился читать по-польски. Были тогда в Цюрихе уже и сторонники марксистской пролетарской линии социализма, во главе которых стояла Роза Люксембург.

С ней я встречался и лично и на ее выступлениях, которые всегда оставляли большое впечатление. С громадным интересом приходилось также читать журнал «Sprawa Robotnicza», который начала издавать Роза Люксембург, как орган борьбы против националистического уклона ППС-овцев и как орган польской социал-демократии.

В общем итоге я в течение этих нескольких лет жил в чрезвычайно благоприятных условиях для серьезной работы самообразования и углубления своего знакомства с теорией и практикой международного социализма. Только проделав эту работу, я мог с чистой совестью сказать себе, что я убежденный марксист и с.-д. Только тогда (осенью 1892 года) я окончательно и официально вошел в состав социал-демократической организации, вернее—кружка в Цюрихе. Деятельность этой организации, помимо занятий по марксизму, сводилась в общем к собиранию денег в фонд социал-демократической прессы, к представлению докладов о марксизме и их обсуждению в кружке.

Примерно в конце 1891 года я поступил в цюрихский политехникум, который и окончил потом (через 3½ года).

Скоро после меня в Цюрих приехали В. К. Курнатовский, вернувшийся из ссылки в Шенкурске (Архангельской губернии), и П. Ф. Теплов; появились также Б. Хмельницкий, Иосиф Милль («Джон», впоследствии бундовец). Все они были с.-д., и мы довольно быстро спелись. Ближе сошелся я с Тепловым, но особенно близко с Курнатовским. О них необходимо здесь сказать несколько слов.

П. Ф. Теплов был интеллигент, но по натуре имел в себе многое от пензенского мужичка. Очень неглупый, с мужичьей хитрецей, он отличался незаурядной способностью быстро, на-лету схватывать предмет и скоро стал привлекать к себе внимание в цюрихской колонии. Обладая здоровым зарядом мужичьего эгоизма и практицизма, П. Ф. Теплов явно стремился выдвинуться и с этой целью неуклонно завязывал разнородные связи.

Совсем иную натуру представлял собою В. К. Курнатовский. В противоположность Теплову, В. К. прибыл в Цюрих уже испытав пути революционной борьбы и связанных с нею тюрем и ссылки. Но об этом меньше всех говорил сам Курнатовский, совсем не имевший в виду самого

себя. Воплощенная скромность и непретенциозность, Курнатовский совсем по-иному, чем Теплов, привлекал к себе внимание и любовь революционной части цюрихской колонии,—привлекал нравственным обаянием своей личности. Он не знал и никогда не допускал никаких сделок с совестью.

Кое-кого В. К., пожалуй, отталкивал или отпугивал крайней негибкостью, ригористичностью своих революционных принципов (а иных принципов он не признавал). Но нравственная красота личности Курнатовского состояла в том, что к себе самому он был строже, чем к кому бы то ни было другому. Готовность к самопожертвованию была чем-то само собою разумеющимся в таком человеке, как Курнатовский. Но этого было мало. В нем зрело совсем незаурядное бесстрашие революционера, у которого слово никогда не расходится с делом и который никогда не останавливается перед крайним выводом из революционных принципов, как он их понимал.

Всегда добродушный, склонный к веселой шутке и крайне общительный по натуре, Курнатовский переживал почти непрерывную драму ввиду значительной степени глухоты от болезни, которою он страдал уже тогда и которой суждено было через два десятилетия свести в могилу этого незаурядного человека и революционера. Как часто приходилось ловить выражение сосредоточенной тоски в его глубоко сидящих глазах, когда кругом него были люди, живо беседующие, а он, по глухоте, не мог принимать участия в общей беседе и чувствовал себя одиноким, изолированным! С этим связаны были иногда наблюдавшиеся у В. К. переходы от веселого настроения к припадкам мрачной «мерлехлюндии», как он их называл в интимной беседе с очень близкими людьми.

Впрочем, лишь теперь, когда так остро чувствуешь потребность дать побольше сведений о Курнатовском, вспоминаешь, что, при всей нашей с ним самой тесной и прочной до конца дружбе, нам не приходилось как-то делиться сведениями о своем личном прошлом: все помыслы были направлены в сторону планов борьбы в настоящем и будущем.

Это был период значительного оживления в атмосфере цюрихской колонии. Наша тройка—Курнатовский, Теплов

и я—скоро стала центром, вокруг которого группировалась социал-демократическая публика Цюриха. В это время в Цюрих приезжало из России изрядное количество революционной интеллигенции, при посредстве которой мы находились в живой связи с элементами социал-демократического рабочего движения в России. Мы невольно стали выразителями его запросов.

Главный из них сводился к потребности в агитационной литературе для рабочих. Ее совсем не было—по крайней мере, социал-демократической. В Швейцарии группой «Освобождение Труда» издавался толстый журнал «Социал-Демократ». Он представлял для нас огромный интерес, но он был совсем недоступен по форме и неприспособлен по содержанию для толщи русских рабочих. К тому же налаженного транспорта не было: тот, который был, находился в руках весьма непрактичного П. Б. Аксельрода и велся из рук вон плохо. Наконец, в среде нашего кружка было некоторое недовольство направлением плехановской брошюры «Всероссийское разорение» с последовавшей за нею другою: «Задачи социалистов в борьбе с голодом».

Так создалась наша оппозиционная группа «молодых с.-д.», как ее называли, хотя официального оформления у нее никакого не было и такого титула она себе не присваивала. Наша группа (Теплов, Курнатовский и я, отчасти Милль и Б. Хмельницкий) стала приставать с соответствующими требованиями к группе «Освобождение Труда», но без всякого результата. Самим взяться за писание брошюр для рабочих—это казалось нам безумной дерзостью. А Плеханов на наши заявления гордо отвечал: «русский рабочий не дурак, а бедняк», и из этого делался тот вывод, что русскому рабочему надо давать толстые книги «Социал-Демократа». Кстати: и на наши заявления по поводу брошюр о голоде Плеханов также реагировал преимущественно афоризмами, вроде: «крестьяне—не класс, а сословие» и т. п.

Теплов, впрочем, сделал дерзкую попытку написать брошюру. У него получилась огромная рукопись, как это часто бывает с новичками в литературном деле, трактовавшая решительно обо всем и с этой стороны недостаточно пригодная. Она была нами передана, конечно, в группу «Осво-

бождение Труда», которая ее, понятно, замариновала; брошюра так и не увидела света.

К транспорту нас также не допускали, и мы только изредка на свой страх переправляли в Россию отдельные маленькие посылки с оказиями, не брезгуя никакими возможностями—вплоть до хористов приезжавшей в Цюрих капеллы Агреновой-Славянской.

Настроение нашей цюрихской группы находило отклик в социал-демократических элементах, живших в других городах за границей. В результате в 1892 году была сделана попытка созыва конференции молодых русских с.-д. в Женеве. От нас туда был делегирован Теплов. Там решено было образовать «Союз русских с.-д. за границей». Первый его съезд (учредительный) состоялся летом 1893 года в Цюрихе, с участием группы «Освобождение Труда» и представителей социал-демократических групп Цюриха, Мюнхена, Карлсруэ, Штутгардта, Льежа, Парижа и др. Тут участие принял и вновь появившийся тогда на цюрихском горизонте Б. А. Гинзбург-Кольцов, сразу ставший на сторону группы «Освобождение Труда».

На съезде, происходившем одновременно с Международным социалистическим конгрессом в Цюрихе (1893 год), мне пришлось, по поручению всей группы молодых с.-д., сделать главный доклад, выражавший—хотя не очень складно—настроение и претензии молодых с.-д. Получилась как бы оформленная оппозиция против группы «Освобождение Труда». Формально оппозиция большого успеха не имела. Плеханов был лучший диалектик, нежели мы. Лишь ярко выступил для всех «молодых с.-д.» недостаток группы «Освобождение Труда»—ее оторванность от начавшегося в России движения и склонность Плеханова, вместо удовлетворения потребностей этого движения, ограничиться литературной борьбой с народничеством (Михайловским). Распределение прав и обязанностей между группой «Освобождение Труда» и нами осталось прежнее.

У меня лично тогда и позже все более складывалось определенно критическое отношение к некоторым сторонам личности Плеханова, при всем моем огромном уважении к нему, как моему учителю и основоположнику российской социал-демократии. Притом же я позже (в 1903—1905 гг.),

живя в Женеве, часто бывал в семье Плеханова, познакомившись с его женою (отчасти с его плохо говорившими по-русски молодыми дочерьми, приносившими в гостиную скромное угощение). Что Георгий Валентинович был интересный, остроумный собеседник—общеизвестно.

И все же складывались кое-какие определенно неблагоприятные впечатления. Хотя Плеханов и блестяще защищал правильность диалектического материализма Маркса, но, как мне казалось, сам он не всегда мыслил жизненно-диалектически. В нем сильно преобладала формальная логика блестящего полемиста или адвоката. Недаром Плеханов сам позже повторял слова Лаврова, что «в Плеханове пропал прекрасный адвокат». Но именно блестящий полемический талант Г. В.—ча ему положительно вредил. Его меткие словечки и афоризмы слишком легко сходили за аргументы. Это обманывало часто и окружающих, и его самого. Если б не это, он, быть может, искал бы подлинно убедительных доводов и не ограничивался бы такими суррогатами, которые иногда вызывали возмущение не только в противниках, но у друзей. Это испытал в свое время и Ленин, когда «чуть не потухла «Искра».

Больше того. Как это ни покажется странным, но, по складу мысли, Плеханов был, в сущности, *рационалистом*, хотя и дал блестящую критику французского рационализма конца XVIII века.

Именно поэтому, а не только в силу оторванности от России, Плеханов зачастую не видел запросов жизни. Именно поэтому он строил такие «математические» перспективы хода революционного движения в России: вы устраиваете кружок в пять рабочих, каждый из них, в свою очередь, распропагандирует других пять рабочих и т. д.,—так будет развиваться революционное движение рабочего класса. Именно поэтому книжник Плеханов толковал агитацию как «пропаганду немногих идей для многих», не понимая роли боевой самодеятельности, активности масс в деле агитации. Именно поэтому он все по *французскому* книжному образцу рисовал перспективу неизбежного в *России* революционного выступления буржуазии, когда самодержавие, исчерпавши средства трудящихся масс, запустит свою лапу в карманы капиталистов. Именно поэтому, быть может,

он совершил свое печальное грехопадение в 1914 году, когда, не будучи в состоянии отделаться от идеи защиты французской и английской демократии, он поддерживал войну, которую вело царское самодержавное правительство.

В 90-х годах, как и позже, мне не раз приходилось формулировать свое критическое отношение к Плеханову в беседе со многими товарищами (например, Чеботаревым, Архангельской, Жордания—в 1903 году), при чем тогда же приходилось противопоставлять Плеханову Аксельрода. В самом деле, характерно, что последний много думал и писал о таких явлениях русской жизни, например, как оппозиционная политическая роль русского дворянства, и старался отыскать социальные корни такого парадоксального явления, как земский либерализм. Между тем для Плеханова не существовало этой, как и многих других, проблем сложной русской действительности. Раз такое парадоксальное явление не подходило под схему Плеханова,—он просто игнорировал его.

Вряд ли еще нужно добавлять, что и в моих глазах все сказанное несколько не меняло факта огромных исторических заслуг Плеханова, как марксиста, перед революционным движением в России, да и вне ее.

В этом месте мне теперь трудно удержаться от еще одного замечания, относящегося к Плеханову. Я имею в виду его *материальное положение* в период моего первого пребывания за границей и тесного соприкосновения с ним. Приходится, к стыду своему, сознаться, что ни я, ни мои близкие товарищи этого периода ни разу не задумались над этим проклятым вопросом. Я, например, знал, что Плеханов часто болеет легкими, и огорчался этим, но ни разу я ни Плеханову, ни своим молодым друзьям не поставил вопроса: на какие средства и как живет Плеханов, делающий огромную работу?

Теперь я из «Переписки Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода» узнаю, что в ту пору Плеханов жил в такой нужде, что в одном письме к Аксельроду он умоляет выручить его из беды: «завтра мне надо заплатить 25 франков одному болгарину»... В другом письме у работающего без конца для грошевого заработка Георгия Валентиновича вырывается стон: «Но если бы ты знал, как я устал, если бы

ты знал, как надоело мне вечное, бесконечное писание. Я положительно осужден судьбою на вечную каторгу литературного труда».

Правда, мы жили в Цюрихе, а Плеханов в Женеве. Правда, мы знали, что жена Плеханова врач. Но нам не приходило в голову осведомиться, много ли она вырабатывает своей практикой. А оказывается, что она долгое время и вовсе не имела права практики. На какие же средства и как жил Плеханов с женой и двумя детьми? Если бы мы подумали тогда об этом, у нас была бы полная возможность, если не устранить вовсе, то, по крайней мере, ослабить его нужду и устранить для него неприятные переживания, связанные с несвоевременной уплатой долга в 25 франков. Трудно отделаться от гнетущего чувства нашего тогдашнего легкомыслия.

Выше я упомянул о Международном социалистическом конгрессе, который происходил в том же 1893 году в Цюрихе. В связи с ним нельзя не отметить одного эпизода, который оставил в памяти неизгладимый след. Шло одно из заключительных заседаний Международного конгресса, который я посещал, конечно, систематически. Я находился, как зритель, на хорах. Против меня на сцене в президиуме вел заседание П. Зингер, весьма умело председательствовавший и, при надобности, энергично действовавший своим большим председательским колоколом. Там же сидела и дочь Маркса—Элеонора Эвелинг, с необычайным мастерством переводившая речи ораторов с одного языка на другой так, что в переводе речь выходила лучше, ярче, чем в оригинале. Заседание шло обычным ходом. Вдруг Зингер заявляет, что он должен дать слово редкому и желанному гостю Конгресса—Фридриху Энгельсу. И у председательского стола появилась скромная фигура одного из великих творцов научного социализма.

Трудно передать, какое огромное впечатление это произвело на всех без исключения присутствовавших. Чувствовалось, что зал Конгресса пришел в соприкосновение с чем-то исключительно большого масштаба, с чем-то необычным—с маяком, освещающим исторический путь человечества. Долгое-долгое время взволнованный зал не прекращал своих бурных приветствий другу и соратнику

Маркса. Я вряд ли сам знал, каким образом я с хор перебросился на другой конец зала, на сцену, где к окруженному со всех сторон бледному старику все подходили и жали руку, писавшую «Коммунистический Манифест».

Тем же восторгом приветствий дрожал зал и после краткой речи, с которою обратился к Конгрессу Энгельс, сказав ее сначала по-французски и английски, а затем перейдя к немецкому языку со словами: «Und nun zu meinem lieben Deutsch». («А теперь перехожу к моему родному немецкому языку».)

Возвращаясь к молодым русским с.-д. за границей, надо сказать, что связь между ними все-таки укрепилась благодаря упомянутому нашему съезду в Цюрихе. В виде одного из результатов, можно отметить «дерзкую» литературную попытку, которую сделал необычайно скромный Курнатовский: он написал популярную брошюру для рабочих «Рабочий День», используя для нее польскую брошюру Грабского. Мое участие в этой попытке ограничилось написанием для брошюры пары страниц и общими советами редакционного характера. Брошюру удалось напечатать. Это *первое* социал-демократическое произведение для рабочих имело огромный успех: брошюра потом многократно переиздавалась в России и за границей.

Наша цюрихская группа, однако, скоро распалась. Видный ее член Теплов близко сошелся с Б. Кричевским, у которого были свои контры с группой «Освобождение Труда» по журналу «Социал-Демократ», в котором Кричевский первоначально сотрудничал (под фамилией Наумов). Мы до известной степени невольно были втянуты в эти контры. Отношения с группой «Освобождение Труда» обострились, и расхождение стало терять чисто идейный и деловой характер. Я и Курнатовский отошли от такой оппозиции и стали собираться на работу в Россию.

☆☆☆

III. РАБОТА В МЕСТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

(1896—1900 гг.).

Первым уехал я в 1895 году после прощальной переписки с Плехановым и с его благословения.

Был ли департамент полиции осведомлен о моем участии в революционном движении в период 1892—1895 гг.,—это мне не было известно. Можно было только предполагать, что моя деятельность не могла пройти незамеченной.

Теперь видно из дел департамента, что ему было известно не только многое из того, что было, но и кое-что из того, чего вовсе не было. Теперь видно и другое: тогда уже действовал на службе у департамента полиции Азеф. Он уже в 1893 г. доносил о Петерсе: это один из участников нашего цюрихского съезда 1893 г. Петерс входил в нашу группу молодых социал-демократов, живя в Карлсруэ. У Петерса я и остановился на пару дней в 1895 г. в Карлсруэ по пути в Россию. У Петерса я тогда же встречался с младшим братом Е. Азефа, дружившим с Евно и, конечно, не знавшим о роли своего старшего брата.

Словом, обо мне было известно больше, чем я предполагал. И все же департамент полиции, по своим соображениям, считал несвоевременным мой арест на границе. И я ее переехал благополучно.

Думал я поселиться в Москве, где привлекала перспектива агитационной работы среди рабочих. Момент вообще был очень благоприятным. Даже народовольческие остатки стали отчасти поддаваться духу времени и делать уступки социал-демократии, что особенно отразилось в выпущенном тогда «Листке Народовольцев» (кажется, № 4). Повидавшись, между прочим, с творцами или сторонниками этого листка и наметивши для себя некоторые социал-демократические точки опоры—в частности, через посред-

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Предисловие <i>П. Лепешинского</i>	3
От автора	11
I. Домарксистский период (до 1888 г.)	13
II. Политическое самоопределение и группа „Освобождение Труда“ (1888—1895 гг.)	25
III. Работа в местных организациях (1895—1900 гг.)	39
IV. Общепартийная работа (1900—1902 гг.)	55
V. Тюрьма, ссылка, побег (1902—1903 гг.)	61
VI. После раскола партии (1903—1905 гг.)	68
VII. Революция 1905 года	82
VIII. Период реакции (1906—1914 гг.)	90
IX. Период войны (1914—1917 гг.)	113
X. Февральская революция (февраль—октябрь 1917 года)	136
XI. После Октября (1918—1921 г.)	182
Список литературных работ автора	202

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

МЕМОАРЫ. ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

- Кон, Ф.** Сорок лет под знаменем революции. (Воспоминания.) Стр. 146. Ц. 80 к.
- Кантор, Р. М.** В погоне за Нечаевым. К характеристике секретной агентуры III отделения на рубеже 70-х годов. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Стр. 155. Ц. 1 р. 20 к.
- Дейч, Лев.** За полвека. Изд. 3-е. Стр. 279. Ц. 1 р. 80 к.
- Дейч, Лев.** Четыре побега. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Стр. 160. Ц. 1 р.
- Дейч, Лев.** Роль евреев в русском революционном движении. Том I. Изд. 2-е. Стр. 237. Ц. 1 р. 50 к.
- Крупская, Н.** Воспоминания. Стр. 120. Ц. 50 к.
- Левицкий, В.** (В. Цедербаум). За четверть века. Революционные воспоминания. 1892—1917 г.г. Том I. Часть 1. Революционная подготовка. 1892—1901 г.г. Предисл. Н. Мещерякова. Стр. 168. Ц. 1 р. 35 к.
- Ленин и ставая „Искра“.** Хрестоматия. Под ред. П. Ф. Кудели. Стр. 208. Ц. 1 р. 50 к.
- Рубинштейн, Г. и Стопалов, Г.** „Искра“. 1900—1903 г.г. (Ленингр. Истпарт). Стр. 93. Ц. 75 к.
- Захарова-Цедербаум, К. И. и Цедербаум, С. И.** Из эпохи „Искры“. (1900—1905 г.г.) Предисловие В. И. Невского. Стр. 162. Ц. 1 р. 25 к.
- Новорусский, М. В.** Записки шлиссельбуржца. 1887—1905 г.г. С портретами и рисунками. Стр. 245. Ц. 40 к.
- Шелгунов, Н. В.** Воспоминания. Ред., вступит. статья и примечания А. А. Шилова. Стр. 317. Ц. 1 р. 75 к.
- Памяти Л. Б. Красина.** Сборник воспоминаний. Стр. 46. Ц. 15 к.
- Ольминский, М.** Из прошлого. Стр. 84. Ц. 25 к.

ОПТОВЫЕ ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ

В ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСИЗДАТА РСФСР: Москва, Ильинка, Богоявленский пер., 4, тел. 1-91-49, 3-71-37 и 5-04-56; Ленинград, „Дом Книги“, проспект 25 Октября, 28, тел. 5-34-18, и во все отделения и магазины Госиздата РСФСР.

МОСКВА, 9, ГОСИЗДАТ, „КНИГА ПОЧТОЙ“ и
ЛЕНИНГРАД, ГОСИЗДАТ, „КНИГА ПОЧТОЙ“

высылают немедленно по получении заказа книги всех издательств, имеющиеся на книжном рынке.

Книги высылаются почтовыми посылками или бандеролью наложенным платежом. При высылке денег вперед (до 1 рубля можно почтовыми марками) пересылка бесплатна.

Исполнение заказов быстрое и аккуратное.

Каталоги, проспекты и бюллетени высылаются по требованию бесплатно.